

Соцреализм после соцреализма

Валерий Вьюгин

От составителя

Если опираться на общедоступные материалы, публично о социалистическом реализме заговорили в 1932 году¹. Вышедший в свет 23 мая 1932 номер «Литературной газеты» (№ 192) содержал отчет о прошедшем накануне, 20 мая 1932 года, собрании актива литкружков Москвы, на котором, помимо прочих докладчиков, выступал председатель оргкомитета собрания И.М. Гронский — в то время ответственный редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир», а с 1938 до 1954 год — заключенный Воркутпечлага. В речи Гронского, воспроизведенной фрагментарно и не очень связно, выражение «социалистический реализм» прозвучало не как *рема*, не как нечто новое, а как *тема*, то есть как нечто уже известное: «Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, — пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма». При учете этого логико-грамматического нюанса 20 мая 1932 года настоящим днем рождения термина считать вряд ли можно, однако сама дата все же остается вполне конкретным, зафиксированным на бумаге ориентиром при определении ранней границы истории соцреализма.

На роль первого бесспорного «реального» образца соцреализма советская эстетическая мысль довольно скоро утвердила роман «Мать» М. Горького, появившийся в 1906 году на английском языке в США в журнале «Appleton's Magazine». (Ныне соцреалистическая природа «Матери» подвергается сомнению, но в СССР начиная с 1930-х годов ее статус был незыблем.) Таким образом, мы располагаем еще одной риторически весомой датой появления соцреализма. Наконец, в 1934 году на Первом Всесоюзном съезде советских писателей

1 При написании этого текста автор пользовался результатами разысканий, проводимых за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00787, <https://rscf.ru/project/24-18-00787/>, ИРЛИ РАН. («Соцреализм “постмортем” (Поздняя советская эстетика: практики и теория искусства, институции, культурные контексты. 1970-е — 1980-е годы)»).

термин «социалистический реализм» был введен в устав писательской организации². Если раньше соцреализма как более или менее оформленного направления не было, теперь как писателям, так и другим деятелям советского искусства предстояло его создать. Устав Союза советских писателей СССР был утвержден 1 сентября 1934 года на последнем заседании Съезда. Так устанавливается еще одна начальная граница соцреалистической эпохи.

Ориентируясь на подобного рода вехи, мы можем более или менее точно представить себе, когда и как началась история соцреализма. Ответ на вопрос, когда и как она закончилась, если опираться на публичные декларации, казалось бы, тоже очевиден: с распадом его институциональной основы, каковой было советское государство.

Последний, Девятый съезд писателей СССР и он же одновременно учредительный съезд Международного сообщества писательских союзов состоялся в июне 1992 года. В отношении еще недавно считавшегося основным метода советской литературы председатель его оргкомитета Т.И. Пулатов, открывая съезд, высказался категорично: «...исполнены духом единения, желанием сохранить наш писательский союз, глубоко реформировав и обновив его в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, отделив от него все дурное — командно-бюрократический стиль работы, чуждую всем нам идеологию соцреализма и многие другие пороки» (выделено мной. — В.В.)³.

Стоит вернуться на пару лет назад, и картина окажется иной, причем тоже соответствующей своему времени, еще не дозревшему до безоговорочных отсечений. В качестве примера показателен сборник материалов «Избавление от миражей: Соцреализм сегодня», выпущенный Е.А. Добренко в 1990 году. Среди широкого спектра точек зрения в нем еще можно найти и такую: «Да, я за социалистический реализм. Но какой?». Автор этого вынесенного в заглавие публикации признания В.В. Ванслов — один из представителей позднего, если так можно выразиться, «академического соцреализма» — ставил точный диагноз: «В последнее время участились нападки на одно из основополагающих понятий советской эстетики — социалистический реализм, слышны требования о его отмене, а его сторонников обвиняют во всех смертных грехах и даже возлагают на них ответственность за беды нашего искусства»⁴. Ванслов защищал своего «кормильца», предлагая отделить зерна от плевел — убеждал в качестве аргументов против соцреализма не ссылаться «на извращения и деформации во времена культа личности или в период застоя»⁵. Не настолько важно, что в результате такой логической «дистиляции» настоящим соцреалистическим искусством становилось, по сути, либо «оттепельное» искусство, либо то, которое существовало до 1932 года, важен сам принцип — ревизионизм по отношению к тому, что было произведено в культуре при Сталине. Почти сразу после смерти Сталина начались тотальный пересмотр пантеона

2 Устав союза советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет / Под ред. И.К. Лушпол, М.М. Розенталь, С.М. Третьякова. М.: Гослитиздат, 1934. С. 716.

3 Девятый съезд писателей СССР и Учредительный съезд Международного сообщества писательских союзов. 2–4 июня 1992 г., Москва: Стенографический отчет. М.: Современный писатель, 1992. С. 10.

4 Ванслов В. Да, я за социалистический реализм. Но какой? // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня / Сост. Е.А. Добренко. М.: Советский писатель, 1990. С. 229.

5 Там же.

выдающихся советских писателей и попытки заполнить его считавшимися прежде еретическими фигурами. Говоря иначе, существует возможность, что соцреализм перестал быть актуальным для советской культуры фактором задолго до 1992 года.

Пожалуй, наиболее радикальной попыткой сменить парадигму, оставляя, однако, в неприкосновенности сам термин, стало объявление марксистским философом Д. Лукачем в 1964 году солженицинского «Ивана Денисовича...» образцом соцреализма нового типа — соцреализма, «центральной проблемой» которого «является критический пересмотр сталинской эпохи»⁶. Статья Лукача называлась «Социалистический реализм сегодня», чем, кстати, предвосхищала и сборник Добренко, и некоторые сборники застойной эпохи⁷. Пусть попытка оторвавшегося от советской реальности философа оказалась невосребованной в СССР 1960-х годов (работа была опубликована за его пределами и не была известна до 1991 года на русском), она уже в тот момент продемонстрировала, насколько решительной в принципе может оказаться ревизия понятия.

Повесть Солженицына была скоро изъята из советского публичного пространства, да и сам автор в нем не удержался, так что советская политическая и эстетическая мысль сопротивлялась Лукачу как могла и весьма успешно. Если вспомнить, то и другие в значительной степени менее рискованные новшества, отличавшиеся от привычного соцреализма эпохи культа личности, пришлось в свое время, несмотря на то что оно было «оттепельным», не ко двору: повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель», опубликованная в 1954-м, подверглась таким нападкам, после которых художественных беллетристических произведений ее автор больше не написал.

И тем не менее советское искусство менялось, менялось пусть не революционным, а эволюционным путем. Даже прежние, казалось бы, темы и типы героев все меньше напоминали соцреалистические «прототипы», закрепившиеся в двадцатилетнем промежутке между Первым (или несколько ранее) и Вторым (1954) Всесоюзными писательскими съездами. Причем «соцреалистическая конструкция» подтачивалась в первую очередь не ее «врагами», не теми же, например, представителями андеграунда, голоса которых все-таки мало кто слышал, а «официально» — совокупными усилиями членов как Союза писателей, так и других союзов. В этом общем вне зависимости от идеологических пристрастий если не сопротивлении, то «упрямстве», раздвигающем поле индивидуальных дозволенностей (что-то вроде *Eigen-Sinn*, если вспомнить термин А. Людтке), думается, и состоит самое интересное: либо симптоматика, либо причина того, почему к началу 1990-х все закончилось так, как закончилось.

В необязательно намеренном «эстетическом саботаже» соцреализма участвовали все — от самих «творцов», критиков и «академии» до цензуры и политического аппарата. Роль властных инстанций состояла в том, что они стали больше позволять или, точнее, больше вещей воспринимать в качестве допус-

6 Лукач Д. Социалистический реализм сегодня / Пер. Ю. Гусева // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 73.

7 Литература созидания и борьбы: социалистический реализм сегодня. М.: Советский писатель, 1973; Социалистический реализм сегодня: проблемы и суждения / Сост. Е. Сидоров и Л. Якименко. М.: Художественная литература, 1977.

тимого. В то же время любая «перестройка» типичного представителя официальной советской культуры (исключения, конечно, всегда есть), когда бы она ни происходила, кажется, подчинялась в первую очередь закону конъюнктуры: сегодня сталинист, завтра — насколько это возможно «либерал», послезавтра — зависит от обстоятельств.

Как на долгом этапе после смерти Сталина разрушалась сорцеалистическая конструкция, устранение которой в конце концов заставило термин «социалистический реализм» повиснуть в полной неопределенности и привело к отречению от него? Так можно сформулировать вопрос, который объединяет авторов предлагаемой подборки. В составивших ее работах, кроме двух первых, носящих более общий характер, исследуются различные тактики эстетического, а следовательно, и идеологического ухода от соцреалистической парадигмы, каковой она сформировалась за время правления Сталина. В первой статье предпринимается попытка ответить на вопрос, поставленный отчасти в стиле А.Дж. Тойбни: существовал бы социалистический реализм, если бы термина «социалистический реализм» не было? Вторая статья, написанная **Е. Добренко**, акцентирует внимание на характерной для позднего СССР доктринальной дисфункции соцреализма. Две следующие обращены к литературе: **А. Разувалова** рассматривает практики размежевания с соцреализмом, характерные для таких значимых в контексте поздней советской культуры писателей, как С.П. Залыгин и В.П. Астафьев. Завершают подборку статьи, посвященные одна — музыке, другая — живописи. **Д. Журкова** направляет свои усилия на то, чтобы прояснить отношения к соцреализму со стороны поздней советской популярной музыки и прежде всего песни. **Л. Батцалигова** концентрируется на творчестве Г.К. Гурьянова — художника круга «Новой Академии Изыщных Искусств» Т.П. Новикова, — как выясняется, тоже не чуждого соцреализму.